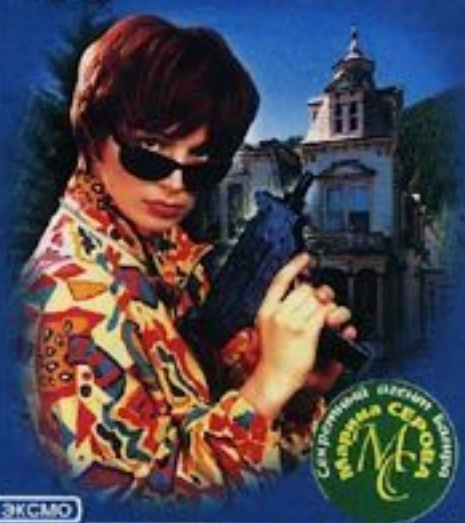

НОВАЯ ЯРКАЯ ЗВЕЗДА ДЕТЕКТИВА

Марина
СЕРОВА

Крутая мисс

ЭКМО

Секретный агент Багира

Марина Серова

Крутая мисс

«Научная книга»

Серова М. С.

Крутая мисс / М. С. Серова — «Научная книга», — (Секретный агент Багира)

«Самолет захвачен террористами...» Это сообщение испортило так приятно начавшийся полет на «Боинге» в тропическую Колумбию. Кажется, секретному агенту Багире, получившей очередное задание, на этот раз не удастся добраться до цели. Но тогда зачем в ее арсенале навыки рукопашного боя и стрельбы из всевозможных видов оружия, умение управлять всем, что ездит и даже летает? Нет, конечно же, они пригодятся! А ведь по жизни она милая, молодая женщина – Юлия Сергеевна Максимова. Просто ей очень не нравится, когда на нее направляют дуло автомата и пытаются использовать в своих интересах...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	16
Глава 4	22
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Марина Серова

Крутая мисс

Глава 1

Говорят, бывает такая вещь, как сон в руку. В моем случае роль такого сна сыграла фантазия. Обычная кулинарная фантазия, одна из тех, которые время от времени приходят мне в голову. В тот пасмурный день поздней осени, когда за окном с утра моросил противный мелкий дождь, облетевшие деревья походили на мокрые черные хлысты, а неподвижная Волга сделалась похожей на застывший поток темного олова, мне захотелось побаловать себя чем-нибудь экзотическим, пряным и изысканным. И я воспользовалась для этого рецептом южно-американской кухни.

Накануне я основательно затарилась на рынке продуктами и напитками, поэтому сегодня проблем никаких не было и с самого утра можно было полностью отдаться священнодействию. Для начала я приготовила маринад из белого вина, в который поместила нарезанную ломтиками телячью печенку. Для того чтобы продукт дошел до кондиции, требовалось время, и я воспользовалась паузой, чтобы заняться шоколадным тортом по-бразильски. Главным ингредиентом здесь были бисквитные сухарики, которые следовало пропитать ромом, а затем намазать шоколадным кремом.

Когда я взялась за приготовление крема, зазвонил телефон. Не сказать, чтобы это здорово вдохновило меня, потому что, как правило, телефонный звонок означал одно – мой шеф генерал Суров, профессиональный псевдоним Гром, хочет меня видеть. А значит, прощай, экзотический ужин.

Я вздохнула, вытерла полотенцем руки и подошла к телефону. Разумеется, это был Гром.

– Багира? – деловито произнес он. – Тебе забронированы билеты на утренний рейс до Москвы. Я тебя жду.

– Ну, слава богу! – вырвалось у меня.

– О чем это ты? – недоуменно спросил Гром.

– Об утреннем рейсе, – призналась я. – А то я уж подумала, что погибли продукты. Задумала тут ужин по-креольски...

– По-креольски? – задумчиво сказал Гром. – Это очень любопытно. И уверен, очень вкусно. Ну что ж, приятного тебе аппетита! Только до ужина внимательно изучи факс, который будет тебе отправлен. Это данные на одного человека, который вылетит завтра с тобой в Москву. Он получил вызов за рубеж к родственникам. Родственники довольно далеко – в Колумбии. По счастливому совпадению у тебя в Колумбии тоже родственник – брат, и он тоже прислал тебе вызов. Видишь, как много у вас общего? Поэтому твоя задача – сблизиться с этим человеком. Знакомство должно быть естественным и непринужденным. Все остальное – в Москве. Из аэропорта едешь прямо ко мне.

– Слушаюсь! – отчеканила я.

Итак, ужин мой будет прощальным, хотя прощаться мне особенно не с кем. Женщина я одинокая, а разъезды и перелеты для меня – самое обычное дело, поскольку моя профессия – секретный агент. Я работаю в особом отделе по борьбе с организованной преступностью и терроризмом, который и возглавляет генерал Андрей Леонидович Суров, он же Гром. Мой псевдоним – Багира, хотя на самом деле меня зовут Юлия Сергеевна Максимова.

Наш отдел выполняет весьма специфические функции, поэтому никаких его следов в телефонных книгах и адресных справочниках вы не найдете. Полностью структура и штатное расписание известны, наверное, одному Грому. Агенты, которые выполняют задания, дей-

ствуют, как правило, в одиночку и не знают друг друга. По-моему, из соображений конспирации они разбросаны по всей стране.

Я, например, проживаю в городе Тарасове. С некоторых пор мне предоставили довольно уютный и уединенный особняк, расположенный в пустынном месте в некотором отдалении от нового района. Место здесь достаточно живописное – с холма просматривается вся городская панорама и широкое русло Волги, вдоль которого и вытянулся город. Теперь, лишенный красок, окутанный серой дымкой дождя, пейзаж производил унылое впечатление, но в солнечные дни он выглядит потрясающе.

Дом тоже неплох – настоящая маленькая крепость, обнесенная неприступным забором, с подземным гаражом и бассейном. Сейчас бассейн пуст, зато в гараже стоят два автомобиля – «БМВ» и «Лада». Дом оснащен надежной сигнализацией и современными видами связи. Поэтому я всегда, образно говоря, под рукой у своего шефа.

Вслед за телефонным звонком последовал сигнал факса, и через минуту в руках у меня была краткая справка о человеке, с которым уже утром мне предстояло сблизиться. Справка включала и фотографический портрет субъекта. Я принялась за изучение этого документа.

Быков Валентин Сергеевич, 1960 года рождения, по образованию инженер-судостроитель, до начала девяностых годов работал в «почтовом ящике», производившем гидравлические системы для подводных лодок. Когда из-за кризиса военно-промышленного комплекса остался без работы, вернулся в родной город, где перебивался случайными заработками. Женат, имеет дочь семнадцати лет. Зато не имеется никаких достоверных сведений о наличии у Валентина Сергеевича родственников за границей.

С фотографии на меня смотрело торжественно-испуганное лицо абсолютно заурядного мужчины с безвольным подбородком, вялой линией губ и припухлыми, как у хомячка, щеками. Аккуратная стрижка, никак не маскирующая ранних залысин, и стандартный набор – черный пиджак, белая сорочка и безвкусный галстук завершали картину. Передо мной был портрет типичного обывателя, не хватающего звезд с неба и абсолютно не склонного к авантюризму. Конечно, внешность обманчива, но данные биографии подтверждали характеристику. Значит, в поле зрения нашей организации он попал в силу чрезвычайных обстоятельств. Впрочем, ничего особенно трагического в этом нет – в наше время семьдесят процентов населения могут сослаться на чрезвычайные обстоятельства и будут правы. Но далеко не каждый в силу этих обстоятельств отправляется в далекую Колумбию по приглашению фиктивных родственников. Предоставив телячьей печенке возможность созревать в маринаде, я решила немедленно отправиться в аэропорт, чтобы забрать билет. Тогда завтра я могла бы полностью сосредоточиться на своем подопечном, ни на что не отвлекаясь. Тем более что от моей крепости до аэропорта рукой подать. Для сегодняшней поездки я выбрала «Ладу».

Выехав за ворота, я покатила в город. Многоэтажные дома окраинного района смутно проступали сквозь пелену дождя и казались вымершими. Шоссе, ведущее в город, было почти пустынно и блестело, как полированное. Тихо шуршали шины, «дворники» смахивали с ветрового стекла потоки холодной воды, а я лениво гадала, отчего именно сегодня меня потянуло на южноамериканскую кухню – по контракту или же это была телепатия.

Чем ближе я подъезжала к аэропорту, тем плотнее становился поток машин – даже в такой сонный промозглый день жизнь в городе не замирала. Только прохожих на тротуарах было поменьше, и все они позакрывались зонтами.

Мне вспомнилось, что совсем недавно я размышляла о том, как было бы неплохо, если бы меня направили куда-нибудь, где тепло и светит солнце. Намек на это уже как-то прозвучал, но рассчитывать на командировку в Колумбию было рано – речь шла только о наличии там у меня брата. Ничего не значило и мое завтрашнее знакомство – вполне возможно, что с господином Быковым мне придется отправиться совсем в другое место – на Южный полюс, например. Гадать на эту тему не хотелось – мои маршруты совершенно непредсказуемы.

Процедура с билетом не отняла много времени. Никакого особенного столпотворения у касс не наблюдалось. Аэропорт был скорее пуст. Уладив это дело, я решила навестить контору, в которой господин Быков работал последнее время. Там я надеялась получить кое-какие сведения о личности этого человека – о его характере, привычках и недостатках. Нигде так охотно не говорят о недостатках сотрудника, как в коллективе, откуда его уволили.

Небольшая организация под названием «Артур» занималась торговлей сельскохозяйственной техникой и грузовыми автомобилями, объектом ее деятельности были сельские районы. Контора находилась в невзрачном помещении на первом этаже пятиэтажки почти в самом конце проспекта Строителей. Одного взгляда на эту трущобу было достаточно, чтобы понять, насколько неважно развивается бизнес у «Артура». Мне, впрочем, сие обстоятельство было на руку – не слишком занятых людей проще разговорить.

Не моргнув глазом, я назвалась представительницей регионального бюро по исследованию трудовых ресурсов и попросила разрешения задать несколько вопросов. После небольшой заминки мне все-таки пошли навстречу. Тут и выяснилось, что название организации не имеет ни малейшего отношения к славному королю Артуру, а просто она носит имя своего учредителя и хозяина Артура Николаевича.

Он сам снизошел к моей просьбе, отчасти, видимо, из личной симпатии, а отчасти потому, что опасался, как бы мне не наговорили чего лишнего. Это был крепкий мужчина лет тридцати пяти, с тяжелой нижней челюстью, усталым лицом и взглядом, который как бы говорил: «Я согласен вас выслушать, хотя заранее знаю, что это будет полная чушь».

Вслух же он произнес: – Что же именно вы хотите узнать?

– Наш отдел занимается социальным портретом современного безработного, – бойко поведала я. – Методом случайного поиска мы выбрали несколько кандидатур, чьи параметры послужат исходными для составления нашей модели. Мы использовали списки службы занятости. Компьютер выбрал среди всех прочих кандидатуру Валентина Сергеевича Быкова. Его последнее место работы – ваша организация...

«Боже, что за чепуха!» – именно эта мысль отчетливо проявилась на усталом лице Артура Николаевича.

«Как это нам интересно!» – изобразила я на своем лице и продолжила:

– Была бы очень признательна, если бы вы прояснили причины, заставившие вас расстаться с этим сотрудником.

Артур Николаевич пожал плечами.

– Да какие такие причины! Никаких особенных причин и нет, – заявил он. – Тяжелые времена – вот и все. Мы были вынуждены сократить. При нашем объеме поставок не требуется столько сотрудников. Уволен был не только Быков, но и еще трое...

– Но компьютер выбрал Быкова, – радостно перебила я. – Поэтому мне хотелось бы уточнить – почему именно он? Были же, наверное, и другие варианты? Но вы выбрали Быкова...

Артур Николаевич тихо вздохнул и принялся объяснять:

– Во-первых, Быков работал у нас недавно. Сами понимаете, в таких случаях отдаешь предпочтение тем, кого хорошо знаешь. А во-вторых, профессиональные качества...

– Он плохо выполнял свою работу?

Артур Николаевич досадливо поморщился:

– Ну как вам сказать. Я не знаю, каков он в своей основной специальности, но у нас здесь главное – оборотистость. Крутиться надо, понимаете? Не скажу, что Быков как-то отлынивал, но все эти ИТР... – Он махнул рукой. – Они привыкли к иному ритму, к иному уровню ответственности. Я бы сказал, что Быков не мог реализовать себя в нашем деле. Поэтому расстался я с ним без особых сожалений.

– Можно ли сказать то же самое о Быкове? – поинтересовалась я. – Как он воспринял сообщение об увольнении?

– Очень болезненно, – хмуро ответил Артур Николаевич. – Насколько я знаю, ему не везло с работой. Он нигде не мог удержаться.

– Как вы думаете, из-за чего? – тут же подключилась я. – Только ли дело в отсутствии оборотистости, как вы сказали? Может быть, были и какие-то иные причины? Спиртным он не злоупотреблял?

– Не думаю, – сказал Артур Николаевич. – Правда, иногда по утрам от него припахивало, но я закрывал на это глаза. Повторяю, его проблема была в том, что он не умел зарабатывать. От этого у него и в семье конфликты были...

– А у него были конфликты в семье? – деловито осведомилась я.

– Вот именно, – нехотя сказал Артур Николаевич. – Человек, который не имеет постоянного заработка, пожалуй, ничем не лучше алкоголика. Последнее время Быков, по-моему, даже жил у своей матери, в ее однокомнатной квартире. Вот как далеко зашло дело.

– Может быть, любовница? – подсказала я еще один вариант.

– Бросьте! – презрительно воскликнул Артур Николаевич. – О чем вы говорите? Если мужчина не может содержать семью, то как он будет содержать еще и любовницу? Да и знаете ли, трудно себе представить, чтобы какая-то женщина могла увлечься этим увальнем. Впрочем, тут я могу ошибаться, ведь сердце женщины – загадка, не правда ли? – Артур Николаевич впервые улыбнулся.

– Это было раньше, до появления социальной психологии, – важно заявила я. – В наше время загадок почти не осталось.

– Ты смотри! – удивился Артур Николаевич. – Надеюсь, и в отношении Быкова у вас не осталось вопросов?

– Да, вы мне очень помогли! – с энтузиазмом объявила я. – Наша работа только на первый взгляд кажется пустяком. С помощью модели, синтезированной на основе наших опросов, мы надеемся решить проблему всеобщего трудоустройства если не на все сто процентов, то очень близко к этому.

– Да чего ее решать! – махнул рукой Артур Николаевич. – С бардаком в стране кончать надо – тогда и работа будет. А пока на шее у того, кто с сошкой, – семеро с ложкой, ничего хорошего у нас не будет.

– И тем не менее большое спасибо! – поблагодарила я его. – Желаю вам успехов. До свидания!

– До свидания! Вам тоже всего хорошего! – сказал мне на прощание Артур Николаевич, кажется, вошедший во вкус беседы и прервавший ее с некоторым сожалением.

Не знаю, удовлетворили бы собранные сведения вымышленное мною региональное бюро, но лично у меня теперь появилось довольно определенное представление о человеке, с которым мне предстояло ненавязчиво познакомиться.

Теперь мне казалось, что господин Быков не окажется трудным объектом. По-видимому, это действительно заурядный неудачник, не склонный проявлять инициативу и слабо адаптирующийся в непривычной среде. И я надеялась, что он будет вполне управляем.

Я села в машину и отправилась домой. Дождь по-прежнему сыпался на город, погружая его в бесконечные сумерки. В такую погоду казалось, что солнце никогда уже не появится, и хотелось как можно скорее убраться с промокших серых улиц в тепло квартиры, зажечь все огни и, может быть, даже камин и приготовить аппетитный ужин.

Всю эту программу я намеревалась выполнить, тем более что телячья печенка наверняка уже дошла до кондиции. А потом мне предстояло собрать чемодан и подумать о завтрашнем знакомстве. То есть подумать не в абстрактном смысле, а просчитать возможные варианты встречи с Валентином Сергеевичем Быковым.

Глава 2

К утру дождь прекратился, тучи слегка разошлись, но вид города остался почти таким же унылым – ему по-прежнему не хватало немного солнца.

Я подъехала к аэропорту за час, надеясь опередить господина Быкова и определить свою тактику по отношению к нему как можно раньше. Мои расчеты строились на том, что мужчины приезжают на вокзалы, в аэропорты и прочие ответственные места в последнюю минуту. Тем более следовало ожидать этого от такого малоинициативного субъекта, как Быков.

Но здесь мне был преподнесен первый урок. Едва я остановила машину на площади перед аэровокзалом, как сразу же увидела своего будущего знакомого. Он стоял на автобусной остановке – хотя автобус, привезший его, уже развернулся и катил в обратную сторону. Таким образом, господин Быков открыл для меня такую черту своего характера, как осмотрительность. Бежать сломя голову за улетающим самолетом он, во всяком случае, не собирался.

По сравнению с фотографией Валентин Сергеевич немного изменился, и не в лучшую сторону. Он еще больше полысел, но уже не был так тщательно пострижен. Его лицо заметно осунулось, под глазами появились мешки. Поношенный синий плащ был ему маловат, отчего фигура Валентина Сергеевича казалась располневшей и расплывшейся. Что осталось неизменным, так это безвкусный галстук, туго стягивающий воротничок чистой, но плохо выглаженной рубашки. Вообще весь Быков казался помятым, неухоженным и несчастным.

Последнее совершенно недвусмысленно отражалось у него на лице и особенно во взгляде, которым Валентин Сергеевич безуспешно пытался заглянуть в глаза юной девушки, которая стояла рядом с ним на остановке, но демонстративно старалась смотреть в сторону.

По схожести линии подбородка, вяловатым губам и манере двигаться я угадала в ней дочь Валентина Сергеевича. Она явно провожала папочку в далекие края, но, по-видимому, инициатива в этом мероприятии исходила все-таки от отъезжающей стороны, потому что на пухлом лице девушки-подростка ничего, кроме недовольства, прочесть было невозможно. Очевидно, необходимость рано встать и тащиться через весь город в продуваемый всеми ветрами аэропорт воспринималась дочерью как личное оскорбление. Отцовская сентиментальность была ей несвойственна. У меня даже возникло подозрение, что отец обеспечил себе проводы за определенную мзду, и все равно на бурные проявления чувств ему рассчитывать не приходилось.

Девушка была одета гораздо лучше папаши – в новенькую дутую куртку попугайской расцветки и облегающие джинсы ценой около сорока долларов.

Искательно заглядывая своему чаду в глаза, Быков что-то несколько раз пытался сказать – наверное, завязывая разговор по душам. Но надутая девица только односложно бурчала в ответ и украдкой поглядывала на часы над фасадом аэровокзала, должно быть, проклиная отца за предусмотрительность и раннее прибытие.

Эта семейная «идиллия» выглядела печально, но была мне на руку. Особенно удачным показалось то обстоятельство, что Валентина Сергеевича не пришла провожать жена. После такого афронта мужчины очень склонны находить утешение у посторонних женщин. А то, что мужчины нуждаются в утешении ничуть не меньше слабого пола, известно мне давно.

Во всяком случае, теперь можно не опасаться потерять Быкова из виду – кричащая куртка его дочери была видна за километр. Я смогла спокойно отлучиться на время, чтобы поставить автомобиль на платную стоянку около аэропорта.

Когда я вернулась с чемоданом, парочка все еще стояла на остановке. Но отношения между сторонами находились в прежнем градусе. Дочурка даже еще откровеннее выражала свое нетерпение – наверное, его подстегивало появление очередного рейсового автобуса.

Кажется, отец все-таки понял всю бессмысленность попыток в последние минуты восстановить то, что разрушалось годами, и решил вернуть дочери свободу. С кривой улыбкой

он сказал ей что-то, кивая на подходящий автобус. Девушка недоверчиво покосилась на Валентина Сергеевича, но, поняв, что он не шутит, заметно ожила. А далее ее оживление шло по нарастающей, потому что Быков, как я и предвидела, судорожно полез во внутренний карман и протянул дочери какую-то купюру. Вид у него при этом был очень смущенный.

Девчушка вспыхнула, схватила деньги двумя пальчиками и, уже ничуть не фальшивя, чмокнула папу в опавшую щеку. Он, кажется, умилился. Дочка помахала ему ладошкой и с огромным облегчением запрыгнула в салон автобуса. Быков махнул ей в ответ и жалко улыбнулся. А затем, как бы встряхнувшись, поднял с асфальта потрепанный чемодан, повернулся и решительно зашагал к аэровокзалу.

Я подгадала так, чтобы в дверь мы вошли одновременно. Валентин Сергеевич был грустен и погружен в свои невеселые мысли, но, к чести его скажу, на мое присутствие все-таки среагировал. Затормозив с разгону, он сосредоточенно извинился и несколько неуклюже распахнул передо мной дверь. Я ответила благодарной улыбкой – более продолжительной, чем того требовала простая вежливость.

Он отреагировал не сразу – понадобилось время, чтобы до него дошла эта простая, но неоднозначная мысль: ему улыбается молодая привлекательная женщина. Сначала Валентин Сергеевич лишь одарил меня растерянным, почти загнанным взглядом и поспешно посторонился, уступая мне дорогу. Однако, хоть и с пятисекундной задержкой, мужское начало все-таки сработало в нем, и, когда я вошла в вокзал, с преувеличенной натугой волоча свой изящный чемоданчик, Валентин Сергеевич рискнул догнать меня и, запинаясь, предложил свою помощь в переноске грузов.

Таким образом, он уже начал угадывать мои желания. За это я отблагодарила его еще одной ослепительной улыбкой и пролепетала, опуская глаза:

– Ну, если это не слишком вас затруднит, я была бы очень признательна...

Теперь начал улыбаться и Быков – в глазах его зажегся робкий интерес. Он даже попытался расправить плечи и втянуть живот. Решительным жестом он отобрал у меня чемодан.

Здесь Валентина Сергеевича ожидал небольшой сюрприз. Дело в том, что замки моего чемодана были не заперты – я просто придерживала крышку пальцем, что было совсем не трудно, поскольку никакой особенной тяжести в моем багаже не было. И как только Быков подхватил мой чемодан и сделал первый шаг по направлению к окошечку регистрации, крышка откинулась, и все содержимое чемодана вывалилось на пол. Валентин Сергеевич опешил. Он с ужасом смотрел на рассыпавшиеся по грязному полу предметы женского туалета, таинственные флакончики, благоухающие неземными ароматами, и прочую мишуру и медленно наливался краской.

– Ах я растяпа! – воскликнула я весело. – Опять не заперла как следует замки! – И тут же, присев на корточки, принялась собирать свой гардероб.

Бедный Валентин Сергеевич преодолел замешательство и поспешно пришел мне на помощь. Мы вдвоем укладывали в чемодан вещи, а Быков без конца бормотал одну и ту же фразу: «Как неудобно получилось, простите!»

– Вы тут несколько не виноваты! – искренне заявила я, успокаивающе прикасаясь к его плечу. – Все моя спешка и вечная несобранность! Вы же знаете, какие мы, женщины!

Апелляция к его знанию женщин заметно приободрила Валентина Сергеевича. Он успокоился, слегка раскрепостился, и даже движения его сделались более сноровистыми и уверенными. Но главное, он стал посматривать на меня с неприкрытым интересом.

В два счета мы собрали чемодан и вдвоем заперли замки. Убедившись, что конфуз не повторится, Быков уверенно отобрал у меня чемодан и вознамерился нести его дальше, хотя и убедился, что он не является такой уж непосильной обузой.

– Право, может, не стоит? – жеманно произнесла я. – Я и так уже доставила вам столько хлопот.

– Ну что вы! Должен же я оправдать ваше доверие, – шутливо ответил Валентин Сергеевич. – Вы не должны лишать меня возможности реабилитироваться.

Я ответила ему в том же духе, и так, обмениваясь полусутовыми фразами, мы прошли регистрацию. Далее наступил самый критический момент.

– Летите в Москву? – поинтересовалась я.

– Пока да, – добродушно ответил Быков, оказавшись в этом не таким уж простодушным, как можно было предположить на первый взгляд. – Вы тоже?

– Ой, а я лечу вообще на край света! – восторженно сообщила я. – Боюсь страшно! Но, может быть, мы пока присядем?

Окончательно завладев инициативой, я усадила Валентина Сергеевича на свободное место в зале ожидания и расположилась рядом. Он был немного смущен моим вниманием, но чувствовалось, что это внимание ему льстит.

– Так, значит, вы летите на край света? – переспросил он, бросая на меня заинтересованный взгляд и тут же отводя глаза в сторону.

– Да! Ужасно далеко, – кивнула я. – Знаете, наверное, глупо разговаривать, не представившись друг другу. Меня зовут Юлией. А вас?

В нем произошла короткая внутренняя борьба: обстоятельства призывали быть легкомысленнее и проще, но все-таки он выбрал более солидный вариант и назвал по имени-отчеству.

– У вас красивое имя, – заявила я, глядя Быкову прямо в глаза. – И оно вам очень идет.

Это утверждение окончательно вогнало его в краску. Наверняка он привык к своему имени так же, как к своему нелепому плащу, и не задумывался об эстетическом аспекте столь обыденных вещей. Я как бы открыла ему глаза.

– Ну что вы, – попытался слабо сопротивляться Валентин Сергеевич. – Обычное имя. По правде сказать, мне оно никогда не нравилось... Вот ваше имя действительно... Юлия... От него пахнет летом! – выдал он в заключение неловкий комплимент.

– Это вас удивит, – соврала я, – но мне мое имя не нравится. Смешно, правда? Людям всегда кажется, что их в чем-то обделили, а на самом деле все в порядке. Вот, например, я всегда была уверена, что у меня некрасивый нос. Одно время я даже всерьез подумывала о пластической операции...

Быков посмотрел на меня с неподдельным изумлением, в его глазах мелькнула тревога за судьбу моего носа. В этом я его понимала – нос у меня маленький, прямой и абсолютно не нуждается в изменениях, а страшную историю о возможном оперативном вмешательстве я придумала специально для Валентина Сергеевича.

– По-моему, у вас прекрасный носик, – обеспокоенно заметил он. – Вы сделаете неправильную ошибку, если...

– Уже не сделаю, – вздохнув, ответила я. – Один очень авторитетный человек меня отговорил... Вернее, он страшно меня отругал!

– Ваш муж? – спросил Быков, и в подтексте этого вопроса я ощутила некоторое напряжение, которое можно было расценить как зародыш ревности.

– Я не замужем, – легко ответила я. – И, боюсь, мне это не грозит. Все говорят, что у меня невыносимый характер. Я слишком романтична, понимаете?

– Но мне романтичность вовсе не кажется недостатком! – с вызовом заявил Валентин Сергеевич. – Напротив, меня всегда привлекали романтические женщины. Наоборот – рассудочность в женщине, вот что меня отпугивает! – Последние слова он произнес с выстраданной горечью.

Я взглянула на него, лукаво прищутив глаз.

– Это вы сейчас так говорите! А доведись вам поближе познакомиться с женщиной моего склада, вы тут же сбежите от нее туда, где вас накормят вкусным борщом и погладят рубашку.

Без сомнения, я задела его больное место. Валентин Сергеевич даже попытался, невероятно скосив глаза, проверить воротничок своей рубашки, но у него, конечно, ничего не получилось. Тогда он, в очередной раз смутившись, попытался переключить мое внимание.

– А вот и нет! В быту я совершенно неприхотлив, – горячо заверил он. – Но чего мне всегда не хватало – это духовного общения. Всегда хотелось иметь рядом настоящего друга, женщину, которая способна видеть хоть чуть-чуть дальше собственного носа.

– Наверное, вам досталось от женщин? – деловито предположила я. – Вероятно, у вас большой опыт?

Валентин Сергеевич застенчиво пожал плечами: врать ему не хотелось, а говорить правду – значило разрушить тот романтический образ, который он начал создавать.

– Одно скажу, – произнес он проникновенно. – Той, о которой я мечтал, мне встретить так и не довелось. А теперь уж, видимо, и надеяться поздно! – заключил он с пафосом, а во взгляде, который он при этом на меня бросил, появилось что-то покорное, почти кроличье.

– Надеяться нужно! – бурно возразила я. – Кто знает, что готовит нам завтрашний день? Может быть, вы как раз завтра и встретите ту, единственную...

В глубине души я очень в этом сомневалась. Разве только в Колумбии отыщется достаточно романтическая креолка. Кстати, можно было уже переходить и к этой щекотливой теме.

– Вот вам пример, – живо проговорила я. – Возьмите меня: не думала, не гадала – вдруг приходит вызов из-за границы. И теперь я лечу... Ни за что не угадаете, куда!

– И куда же? – спросил Валентин Сергеевич ревниво.

– В Колумбию! – торжествующе объявила я.

Глаза у Валентина Сергеевича расширились, и на лице появилось выражение крайнего смятения. По-моему, он почувствовал себя в этот момент человеком, сорвавшим хороший куш в лотерее. Но сказать он ничего не успел, потому что в этот момент объявили посадку.

Как я и полагала, Быков прошел контроль без затруднений. И «рамка» не звенела, когда он, ссутулившись, неловко прошагал под ней, – никакого постороннего металла на Валентине Сергеевиче не было. С какой стороны он причастен к криминалу, я никак не могла сообразить.

В накопителе нас разделила толпа. В автобусе, который вез пассажиров по летному полю, я тоже постаралась расположиться в отдалении: Быков должен был почувствовать, что ему чего-то не хватает. И он это почувствовал: вертел головой во все стороны, пока наконец не углядел мое романтическое лицо. Он даже решился помахать мне рукой, и я ответила ему улыбкой.

В самолете мой новый знакомый удивил меня еще раз. Нам достались места далеко друг от друга, но окрыленный Валентин Сергеевич с неожиданной решительностью вынудил мою соседку обменяться с ним креслами и с победоносным видом опустился рядом со мной.

– Надеюсь, вы не будете против? – запоздало спросил он, внезапно испугавшись своей предприимчивости.

– Ничуть, – ответила я, засмеявшись. – Ведь мы с вами, кажется, не договорили?

– Да-да! – подхватил он. – Вы сказали, что летите в Колумбию. Это правда?

– Неужели я похожа на обманщицу? – укоризненно сказала я. – Да, я уже отправила документы на оформление и завтра должна получить визу. А послезавтра... Вот только никак не соображу, что лучше надеть, отправляясь в тропики?

По самолету объявили обычную стандартно-вежливую формулу, заканчивающуюся предложением не курить и пристегнуть ремни. Валентин Сергеевич проделал эту операцию с исключительно серьезным видом, тщательно подогнав длину ремня. Может быть, он не блистал инициативностью и оборотистостью, но обстоятельности и серьезности у него можно было поучиться.

Огромное тело авиалайнера наполнилось гулом и дрожью – заработали мощные моторы, и самолет принялся медленно выползать на взлетную полосу. Через несколько минут мы должны были оторваться от земли.

– И какими судьбами вы... гм... туда? – осторожно спросил меня Валентин Сергеевич.

– Брат прислал вызов, – ответила я. – Он уехал туда несколько лет назад и почти ничего не писал. Мы знать не знали, как он там, и вдруг сразу вызов! Представляете, как я волнуюсь?

Кажется, Быков волновался куда больше меня. Он долго и тяжело о чем-то думал, рассеянно глядя то на меня, то в иллюминатор, кусал губы и морщил лоб. А когда самолет, разбежавшись, взмыл наконец в воздух и в салоне наступило некое умиротворение, которое всегда сопровождает удачный старт, Валентин Сергеевич вдруг наклонился ко мне и, будто выдавая страшную тайну, проговорил быстро и невнятно:

– А я ведь тоже лечу в Колумбию!

* * *

После такого заявления нам, разумеется, нашлось о чем поговорить. Мы мило болтали до самой посадки. Я сообщила о том, что являюсь консультантом по дизайну жилых помещений, что денег у меня хватает, но долго они у меня не задерживаются, что я люблю готовить, но исключительно по вдохновению, что я недавно рассталась со своим другом и мое сердце теперь свободно и что очень приятно встретить человека, с которым ощущаешь некоторое родство душ. В последнем пункте содержался прозрачный намек на встречу именно с Валентином Сергеевичем.

В ответ мне пришлось выслушать исповедь человека, пострадавшего от реформ, довольно стандартный рассказ о судьбе инженера, уверенно смотревшего в будущее до перестройки и потерявшего почву под ногами после. Насколько я поняла, в политическом смысле Валентин Сергеевич был беспартийным коммунистом и мечтал о реставрации, хотя в исполнение мечты не верил.

– Все продались Западу, – с горечью заключил он, – распродаем страну стратегическому противнику. Стыд и позор!

Мне оставалось только предполагать, что в Колумбию он бежит от стыда, потому что касательно этой темы Валентин Сергеевич был на удивление немногословен, сообщив только, что тоже получил вызов от родственников. Несмотря на свою мягкотелость и почти юношескую наивность в отношениях с женщинами, он сохранял прежнюю обстоятельность и осмысленность в делах. Я подумала, что в его лице военно-промышленный комплекс, действительно, потерял незаметного, но очень надежного труженика.

Расстались мы в аэропорту, потому что я была уверена, что теперь Быкову никуда от меня не деться, а ему будет полезно разобраться в своих неожиданных чувствах. В том, что они пробудились, сомневаться не приходилось – у Валентина Сергеевича все было написано на беззлобном измученном лице. Но, постаравшись от него избавиться, я подарила ему искорку надежды.

– Надеюсь, мы еще встретимся с вами! – обнадежила я его.

Он печально улыбнулся, и в глазах его попеременно вспыхивали то надежда, то сомнение, то отчаяние. Я помахала ему рукой и умчалась в такси.

Сняв номер в гостинице и оставив там чемодан, я немедленно отправилась на доклад к генералу. Москва показалась мне в этот день почти такой же унылой, как и Тарасов, – мокрые крыши и тротуары, сверкающие черным глянцем зонты, низкое серое небо. Отсюда тоже хотелось уехать.

Генерал ждал меня. Как и положено генералу, он имел суровое усталое лицо и седые виски. Других примет генеральства – как, например, штанов с лампасами или внушитель-

ного живота – за Громом не наблюдалось. Несмотря на возраст, он строго держал спортивную форму, а одевался практически всегда в штатское.

– Нравится погода? – Это было первое, что спросил у меня Гром.

В этом невинном вопросе мне почудился подвох, который мог иметь как отрицательную, так и положительную стороны. Я ответила, что предпочла бы побольше солнца. Это тоже можно было расценивать по-разному, но Грому мои слова пришлись по душе.

– Могу тебе это устроить, – небрежно сообщил он.

Предчувствия начинали сбываться – мой следующий самолет, кажется, действительно отправлялся в теплые края. Однако не следовало торопить события.

– В принципе я могла бы подождать до весны, – с улыбкой ответила я.

– Правильно! – одобрительно заметил Гром. – На службу не напрашивайся, от службы не отказывайся. Поэтому все-таки тебе не придется ждать весны.

– Не придется так не придется, – согласилась я. – Что я должна делать?

– Особенно напрягаться тебе не придется, – заверил Гром. – Почти туристическая поездка. Тебе нужно будет слетать в Колумбию, навестить брата.

– Как я полагаю, в компании господина Быкова? – деловито уточнила я. – Кстати, мне удалось достаточно сблизиться с ним и даже зародить в нем некоторые надежды. Думаю, этой ночью он будет беспокойно спать. Вы уверены, что этот человек заслуживает того разочарования, которое ждет его в недалеком будущем?

– Я уверен в том, – жестко ответил Гром, – что в будущем его ждет не единственное разочарование. Молодец, что нашла с ним общий язык. Что он о тебе знает?

– Только имя и то, что у меня в Колумбии брат. Ну и прочие мелочи вроде того, что я дизайнер, одинока и люблю готовить. Я знаю о его печальной биографии почти все, за исключением последнего пункта. Для чего он отправляется в Колумбию, он не говорит.

– Это не важно, – заверил меня генерал. – Это я сам тебе скажу. Думаю, ты слышала о попытке колумбийских наркобаронов построить в джунглях подводную лодку, чтобы переправлять в США крупные партии кокаина?

– Но ведь, кажется, эта попытка провалилась?

– Эта да, – ответил Гром. – Однако есть основания считать, что ушлые колумбийские ребята не оставили надежды завершить свой проект. В строительстве первой подлодки были задействованы инженеры из Европы, в том числе из России. Звериные законы рынка, понимаешь. Трудовые ресурсы перетекают туда, где труд оплачивается дороже. Теперь история повторяется. Внимание ФСБ привлекла деятельность некоей фирмы, которая предлагает работу в Колумбии – причем, по некоторым данным, работа предлагается именно судостроителям. К сожалению, мы опоздали. К моменту появления этой информации набор практически был закончен. Наш приятель Быков, если можно так выразиться, последняя ласточка. Фирма самоликвидировалась. Но это еще не все. Почти одновременно прошла информация о появлении на нашем черном рынке партии колумбийского кокаина. Кокаин – наркотик дорогой и до сих пор не имел у нас широкого распространения. Теперь, кажется, эту ситуацию кое-кто намерен изменить. Все говорит за то. Ты представила общую картину? А вообще твоя задача заключается в следующем...

Генерал немного помолчал, строго глядя на меня, как он всегда делал, прежде чем изложить суть задания, а потом с расстановкой сказал:

– Инженер Быков – единственная ниточка, за которую мы можем теперь ухватиться. К сожалению. Ты ухватила за эту ниточку, и слава богу. Теперь держи ее цепко и не выпускай до самой Колумбии. Он вылетает из Москвы один, насколько нам известно. Конечно, могут быть всякие сюрпризы, поэтому обращай внимание на всех подозрительных попутчиков. Конечно, с приобретением билета и визой ему тут помогали, но у нас нет оснований подозревать этих людей. Похоже, он просто использовал личные связи: его старый друг, однокурсник, женат

на женщине, которая работает в Министерстве иностранных дел, – она согласилась помочь. Видимо, Быков должен до какой-то определенной даты появиться в Боготе, где его встретят. Но у меня есть надежда, что тебе удастся раньше познакомить его со своим «братом». Это наш агент, который живет продолжительное время в Колумбии. Наркобизнес – сфера его деятельности. Дальнейшие действия – его забота. Ты будешь просто связующим звеном, иначе их встреча попросту будет невозможна. Однако не стоит тебе объяснять, что все может повернуться самым неожиданным образом. Тогда тебе придется брать инициативу на себя. Испанским и английским ты владеешь, так что не потеряешься. Опыта и интуиции тебе тоже не занимать. Конечно, незнакомые условия... Но тут уж помочь ничем не могу... Зато солнце! – слегка улыбнулся Гром. – Итак, нам необходимо знать дислокацию судостроительной площадки, а также пути отправки в нашу страну наркотика. Если придется работать одной, передашь все сведения в наше консульство. Они свяжутся с Интерполом и с колумбийской полицией...

Далее генерал выложил на стол новенький щегольский кейс и пояснил:

– Здесь данные по твоему «брату», включая фотографии и адрес. Эти материалы изучишь здесь – выносу они, сама понимаешь, не подлежат. Кроме этого, здесь твои документы, деньги, виза – все как полагается. Авиабилет тоже здесь. Твой друг Быков еще не знает, какая удача ждет его впереди – перелет Москва—Лондон—Нью-Йорк вы совершите, будучи соседями. Мы постарались взять тебе место рядом. Никаких шпионских штучек ты с собой не везешь. Если возникнет в них необходимость, запасешься всем на месте. В кармашке – ключи. Один ключ от квартиры твоего «брата», второй от сейфа. Но я все-таки надеюсь, что они тебе не понадобятся.

Я тоже на это надеялась, но тем не менее немедленно присоединила ключи к своей связке и вызубрила все, что касалось моего «брата». На цветном фото я увидела худого жилистого мужчину с неприветливым бронзовокожим лицом. Глубокие складки по углам рта и густые усы придавали этому лицу особенную сумрачность. Мой «брат» наверняка был человеком нелегким.

Звали его, согласно справке, Иваном Борисовичем Поповым. Соответственно я превращалась в Юлию Борисовну Попову. Думаю, сочетание Иван Попов было выбрано вследствие его краткости, чтобы иностранцам не приходилось сильно мучиться, общаясь с человеком ежедневно.

Проживал он на улице Св. Христофора в доме 44. Был даже приложен план колумбийской столицы, чтобы я могла примерно представить местонахождение этого дома.

– Итак, ты все запомнила, – без тени сомнения произнес Гром, когда я положила бумаги на стол. – Теперь можешь все забыть до поры. Сосредоточься на роли дамы, которая летит в гости и которой все внове. Организуешь знакомство, поживешь там недельку и можешь считать себя свободной. Дальнейшие инструкции получишь от «брата». Желаю удачи.

На этом инструктаж закончился. С пожеланием удачи и чемоданчиком в руках я отправилась к себе в гостиницу.

Глава 3

Валентин Сергеевич был похож на школьника, который дотянул до выпускного бала и теперь наслаждается атрибутами взрослой жизни, особенно приятными оттого, что впервые ими можно пользоваться открыто. Для него все было словно впервые – и любовь, и порция спиртного, и вечерний костюм. Правда, именно с костюмом у Валентина Сергеевича было не блестяще. Вынужденный расстаться в салоне «Боинга» со своим любимым плащом, он предстал в не менее заношенном костюмчике сиреневого цвета с плохо заглаженными стрелками и лоснящимися рукавами. Чувствовалось, что Быков немного стесняется своей экипировки, давно вышедшей из любой моды. Но мое присутствие и ожидание каких-то немислимых перемен скрашивали ему этот отрезок жизни.

Убаюканный гулом двигателей, комфортом кожаных кресел, хорошей дозой приличного виски, которую он принял немедленно, как только разобрался, что она входит в цену билета, Валентин Сергеевич расслабился и окончательно раскрыл передо мной душу. Видимо, оказавшись в воздухе, он посчитал себя достаточно неуязвимым и недоступным для земных законов. Мы проболтали с ним до самого Нью-Йорка.

Выяснилось, что на интересную работу Валентина Сергеевича сосватал бывший однокурсник, который подвизался именно в той фирме, о которой рассказывал Гром. О криминальной подоплеке своего трудоустройства Быков догадывался, но догадки эти были весьма робки, а того, что фирма уже свернула деятельность, он не знал вообще. Как ни странно, никаких угрызений совести по поводу распродажи родины у Валентина Сергеевича в этой связи не возникало. То ли он не считал себя такой уж ценностью, без которой родина обойтись не может, то ли его праведный гнев, как обычно бывает, был обращен исключительно вовне собственного симпатичного «я».

Одним словом, благодетель-однокурсник без особого труда соблазнил Валентина Сергеевича высокими заработками и устроил ему фиктивный вызов в Колумбию, а также снабдил приятеля деньгами на расходы, связанные с перелетом. Но поставил единственное условие – не распространяться на каждом углу об истинной цели поездки.

Это условие Быков выполнял свято – до того момента, пока родина не осталась за бортом чужеземного лайнера. Теперь он посчитал себя свободным ото всех обязательств. Тем более невооруженным взглядом было видно, как ему хочется произвести впечатление на молодую черноволосую женщину с маленьким прямым носиком. Он изо всех сил старался убедить меня, что сиреневый костюм и заурядное одутловатое лицо – всего лишь маска, под которой скрывается настоящий мужчина, конкистадор, который совсем скоро будет владеть сундуком, полным золота.

Безудержная веселость не покидала его и в лондонском аэропорту, где мы ждали дозаправки. Валентин Сергеевич имел глупость тоже дозаправиться в баре аэровокзала, и эта выпивка съела его последние деньги. Он попросту не сообразил, какая дороговизна царит в аэропортах. Но даже эта оплошность не обескуражила его надолго. Под большим секретом он сообщил мне, что в Боготе ему будет достаточно найти возле аэропорта гостиницу «Звезда» и спросить некоего Люсьена, и на этом все его проблемы закончатся: все заботы о Валентине Сергеевиче возьмет на себя работодатель. И тогда будут у него и деньги, и крыша над головой, и вообще все, что угодно.

Я старалась делать вид, что вся его болтовня чрезвычайно меня захватывает и внушает восхищение. Это окончательно сблизило нас, но привело к тому, что за все восемь часов перелета мне не удалось ни на минуту сомкнуть глаз. Ничего примечательного Быков больше не сообщил – все словоизлияния касались или подробностей его несчастливой жизни, или прозрачных намеков на то, что теперь он встретил свое счастье. Видимо, он как-то рассчитывал на

дальнейшее наше общение – то ли не совсем ясно представлял себе характер будущей работы, то ли надеялся, что я теперь последую за ним на край света.

Однако в нью-йоркском аэропорту с Валентином Сергеевичем произошла очередная перемена. Пары спиртного улетучились, эйфория покинула его, а на первое место вышла усталость от долгого перелета и обычная неуверенность. Он стал похож на снулую рыбу и, как и положено рыбе, молчал, глядя вокруг с тоской и отчаянием.

В отчаяние его повергло «нашествие» языков, с которым мы столкнулись в нью-йоркском аэропорту. Грандиозность аэровокзала и обилие народа вызвали у Валентина Сергеевича шок. Да и было отчего закружиться голове – тысячи лиц, белых, черных, желтых – сновали и мельтешили вокруг: бизнесмены в деловых костюмах, с ноутбуками в руках, расфуфыренные пенсионерки-туристки, обвешанные фотоаппаратами и видеокамерами, двухметровые негры в ярких майках, какие-то восточные делегации в тюрбанах и расписных халатах. Все они растеклись по бесчисленным терминалам, но на смену им являлись тысячи новых, не менее экзотических персонажей. Это настоящее вавилонское столпотворение навяло на моего спутника почти священный ужас.

Здесь неожиданно выяснилось, что, несмотря на свою откровенность, Валентин Сергеевич умудрился скрыть от меня весьма важную деталь – что билет до Колумбии на него уже забронирован, осталось только отыскать его в одной из бесчисленных касс. Он поведал мне это с глубочайшей тоской и тревогой, совершенно недвусмысленно рассчитывая на мою помощь.

– А что вы стали бы делать, если бы прилетели сюда один? – с любопытством спросила я. – Как вы собирались выйти из положения?

– Ну-у, я надеялся, что мне хватит школьных знаний английского... – смущенно признался Быков. – А сейчас все английские слова почему-то выскочили из головы... – Произнося это, он уже совсем не был похож на конкистадора. И вообще, в своем непрезентабельном костюме, с обшарпанным чемоданом в руках и с бегающими глазами, он вызвал легкую ностроженность охраны, и я уже несколько раз ловила обращенные на нас взгляды подтянутых парней в синей форме с портативными рациями в руках. Взгляды эти были пока достаточно деликатны, но пренебрегать ими не стоило, и я постаралась побыстрее уладить вопрос с билетом.

Билет в этой огромной, но хорошо отлаженной машине, разумеется, нашелся. У Валентина Сергеевича словно камень с души свалился. Он испытал кратковременный душевный подъем и объявил меня ангелом-хранителем. Но потом, когда выяснилось, что у ангела билета на данный рейс не имеется и поэтому возможно, что здесь, в Нью-Йорке, мы и расстанемся, у Валентина Сергеевича сделался вид ребенка, которого лишили сладкого. Но обижаться ему нужно было только на самого себя. Ведь если бы он еще в Москве посвятил меня во все детали своего путешествия, мне бы тоже забронировали билет именно на этот рейс. А так получилось совсем глупо, и я расстроилась ненамного меньше Валентина Сергеевича. У меня в уме уже прокручивались варианты каких-то экстренных мер, вплоть до насильственного отстранения Валентина Сергеевича от полета, но тут, к счастью, выяснилось, что на «Боинге», вылетающем в столицу Колумбии, имеются свободные места. Мы оба вздохнули облегченно.

Покровители Быкова рассчитали все на редкость экономно – до отлета лайнера в Боготу оставалось не более получаса, и нам даже не нужно было ломать голову, как убить время. Правда, возникли некоторые проблемы, которые в конечном итоге разделили нас с Быковым.

Я прошла таможенный контроль без затруднений, а бедного Валентина Сергеевича увели для личного досмотра. Откровенно говоря, он и в самом деле выглядел подозрительно – на террориста, пожалуй, не тянул, но на отчаявшегося от безработицы эмигранта, который решил свести счеты с жизнью, в надежде что его семья получит страховку, был очень похож.

Идя к выходу на посадку, я оглянулась и увидела его бледное расстроенное лицо: Быков крутил головой налево и направо в тщетной попытке высмотреть какую-нибудь спасительную соломинку. Сотрудник таможни вежливо, но крепко удерживал его за сиреневый рукав

пиджака. Я не особенно тревожилась – за моим спутником не было пока никакого компромата, документы у него были в порядке, и, может быть, в экстренной ситуации ему удастся оживить школьные познания в английском, чтобы ответить на вопросы таможенника.

Деловой класс колумбийского рейса был заполнен далеко не весь. Даже когда со значительным опозданием появился последний пассажир – Быков, некоторые кресла оставались пустыми. Однако напуганный таможенниками Валентин Сергеевич не рискнул больше проводить экспериментов с пересаживанием и только обреченно вертел головой, высматривая в салоне мое лицо, но я предпочла не обнаруживать своего присутствия и поглубже вжалась в кресло. Откровенно говоря, я уже немного устала от общества незадачливого судостроителя. Тем более что бессонный перелет и смена часовых поясов начинали сказываться и на мне.

Мое кресло находилось рядом с иллюминатором, и перед самым отлетом я наблюдала довольно любопытную картину – посадку некоей персоны в наш самолет. Персону сопровождали двое телохранителей – весьма серьезные молодые люди в темно-серых пиджаках, с напомаженными жгуче-черными волосами, которые очень выгодно оттеняли их загорелые звероватые лица и безупречной белизны зубы. Сама персона выглядела на голову ниже своих «горилл» и лет на десять старше. Это был довольно изящный мужчина с длинными волосами до плеч и смуглым широкоскулым лицом, на котором словно застыло выражение скуки и превосходства надо всем остальным человечеством. Он был одет в черные брюки и отливавший золотом пиджак, из-под которого выглядывала розовая рубашка с расстегнутым воротничком.

По трапу он взошел поистине королевской походкой, словно оказывал авиакомпании неслыханную честь своим присутствием. Глядя на повадки этого человека и его парчовый пиджак, я подумала, что это вполне может быть какая-то рок-звезда.

Оказалось, что за восхождением этой «звезды» на наш борт следила не одна я. Неожиданно зашевелился мой сосед по креслу и произнес по-английски:

– Карлос Сесар Ортега, один из боссов колумбийской наркомафии... Однако направляется, как видите, не в тюремную камеру, а в салон первого класса. Насколько мне известно, возвращается домой после художественного аукциона, где приобрел три полотна Моне. У него в сельве, говорят, прекрасная коллекция французских импрессионистов. Что ж, он может себе это позволить...

Голос соседа звучал чуть насмешливо, но исключительно корректно, с явным оксфордским акцентом. Внешность тоже выдавала в нем коренного англичанина – грубоватое, но полное достоинства лицо со щеточкой рыжеватых усов над верхней губой, короткие жесткие волосы, перечеркнутые безукоризненной ниточкой пробора, твидовый пиджак и запах крепкого одеколона. Он произнес все это спокойным тоном, словно посвящал меня в тайны своей близкой родни.

– А это не опасно? – делая наивные глаза, спросила я. – Если такой человек летит в нашем самолете?

Англичанин улыбнулся и тронул пальцами щеточку усов. Ногти у него были коротко остриженные и ухоженные.

– Ну, что вы! – сказал он снисходительно. – В обыденной жизни это совершенно безобидный человек – джентльмен и ценитель искусств... Однако, кажется, я вас немного напугал своим бесцеремонным комментарием? Прошу меня извинить. У вас было такое заинтересованное лицо... Мисс – американка?

– Нет, русская, – ответила я. – Поэтому меня нелегко напугать. Но откуда вы знаете этого человека? Может быть, вы сами – босс?

Англичанин негромко, но одобрительно рассмеялся.

– Я всегда высоко ценил русских, – заявил он. – У них очень развито чувство юмора. Почти так же, как у англичан. Но уверяю вас, к наркомафии я не имею ни малейшего отноше-

ния – иначе тоже летел бы первым классом. Разрешите представиться – Джеймс Доули, репортер...

– Очень приятно, – сказала я. – Зовите меня Юлией. О профессии распространяться не буду, потому что не американка. Это американки придают большое значение профессии. Но в России у женщин все-таки главным занятием остается быть женщиной...

– Bravo! – воскликнул Доули. – Мне очень нравится подобный подход. Думаю, и большинству разумных мужчин – тоже. К сожалению, разумных мужчин в нашем мире становится все меньше...

– Выходит, мне сегодня здорово повезло? – заметила я. – Соседство разумного мужчины было бы для меня как нельзя кстати, потому что я смертельно устала и хотела бы хорошенько выспаться.

– О, в отношении меня можете абсолютно не беспокоиться! – заверил англичанин. – Я немедленно закрываю рот на замок. – Он заговорщически понизил голос и добавил: – А наш третий сосед, кажется, дал обет молчания, так что можете считать, что вам вдвойне повезло.

Я покосилась на человека, который сидел возле прохода. Он действительно выглядел очень необщительным – мрачное, с резкими чертами лицо, черные усы, хищно загибающиеся книзу, густые острые бакенбарды. Большие солнцезащитные очки закрывали половину его лица, и было неясно – спит этот сосед или бодрствует. Сидел он, во всяком случае, абсолютно неподвижно, широко раздвинув ноги, обтянутые голубыми брюками. А еще на нем была белая тенниска, подчеркивающая развитые грудные мышцы, и замшевая бежевая куртка, доходящая ему едва до пояса. Колоритная фигура – вполне можно было представить этого человека скитающимся по дикой сельве в поисках золота или с автоматом под мышкой, сопровождающим наркокурьера. Но сейчас он вел себя исключительно тихо.

Тем временем включились двигатели, и лайнер начал выруливать на взлетную полосу. Рев все нарастал, наполняя самолет нетерпеливой предстартовой вибрацией. Это подействовало на меня гипнотически, и я благополучно заснула, даже не дождавшись, пока «Боинг» оторвется от земли.

Очнулась я внезапно, испытывая на себя легкую досаду, потому что совершенно потеряла ориентировку во времени. Всею виной проклятая смена часовых поясов – она всегда выбивает меня из колеи. Сколько продолжался мой сон, сказать я не могла, но подозревала, что проспала большую часть пути.

Ровно гудели моторы, в синем иллюминаторе тянулись поля розовых, подсвеченных заходящим солнцем облаков. Мне подумалось, что, должно быть, наше путешествие подходит к концу, и за подтверждением этого я решила обратиться к соседу.

Однако он спал, прикрыв веки со светлыми ресницами, но даже во сне ему каким-то образом удавалось сохранять в лице и фигуре исключительное достоинство. Это любопытное явление наверняка было из того же ряда, что и знаменитый британский газон, вырастить который можно, регулярно постригая в течение трехсот лет. И мне подумалось, что умение сохранять достоинство каждую минуту на моего соседа Доули тоже не с неба свалилось.

Можно было обратиться за справкой к третьему соседу – теперь-то уж он явно бодрствовал, но мне не хотелось этого делать. Потому что в бодрствующем состоянии мужчина тоже не особенно располагал к себе. Так и не сняв очков, он слегка сгорбился и очень внимательно выглядывал в проход салона, держась за подлокотники широкими костистыми ладонями. Фаланги пальцев и запястья его были покрыты жесткими черными волосами.

Мне было любопытно, что привлекало его внимание, и я, вытянув шею, тоже принялась рассматривать пассажиров. Сначала я посмотрела туда, где сидел Быков. Его место находилось наискосок через проход. Сморенный сном, Валентин Сергеевич сиротливо съехал в кресле, уронив голову на грудь. Место рядом с ним занимал мужчина весьма внушительного вида с круглыми покатыми плечами и мощной загорелой шеей. Коротко постриженные волосы его

были абсолютно белыми. Но с возрастом это связать было трудно – судя по лицу – живому, добродушному, медно-красному от воздействия солнца, – ему было не более сорока. На мужчине был тонкий, стального цвета костюм, который при малейшем движении топорщился и бугрился над перекачивающимися под этой ненадежной оболочкой мускулами. Такого громилу тоже было легче представить себе в защитном комбинезоне, с мачете в руках прорубающимся сквозь сельву. Но в настоящий момент он тоже вел себя мирно и лишь оглядывался по сторонам с выражением некоторой озабоченности на медно-красном продубленном лице.

У меня возникло странное ощущение, будто в самолете происходит что-то неладное, но мне никак не удавалось ухватить суть, причину своего беспокойства. На первый взгляд все было как обычно – кое-кто из пассажиров спал, кто-то мирно беседовал, кто-то подзывал стюардессу, но мне не нравились пристальный замаскированный взгляд моего черноусого соседа и нервозность здоровяка с красным лицом.

А потом я увидела в проходе невысокую крепкую девушку с прямыми черными волосами и угрюмым широконосом лицом – в ней угадывалась явная примесь индейской крови. Одета она была очень просто – в синие джинсы и рубашку «ковбойку», поверх которой была накинута холщовая серая жилетка. В руках девушка держала небольшую дорожную сумку.

Видимо, метиска возвращалась из туалета. Ни на кого не глядя, она прошла в конец салона и уселась в кресло. Едва она миновала наши места, как черноусый внезапно встал и тоже отправился в туалет. Я даже не заметила, как в руках его появилась небольшая дорожная сумка.

Краснолицый сосед Быкова проводил его крайне неодобрительным взглядом, а затем живо обернулся назад, словно хотел получше рассмотреть девушку-метиску, сидящую в конце салона. Мое беспокойство начинало нарастать. Я буквально кожей почувствовала наличие в воздухе чего-то постороннего и даже угрожающего и тоже стала вертеть во все стороны головой, высматривая приметы этого постороннего вторжения. Ну и разбудила своего английского соседа.

Первым делом он посмотрел на часы и сообщил, что через час мы будем на месте. А затем весьма деликатно осведомился, не нуждаюсь ли я в его помощи.

– Русские – очень предприимчивые люди, – пояснил он. – Но у них отсутствует опыт путешествий по миру. Порядки на чужих авиалиниях иногда могут поставить в тупик. Может быть, вам требуется совет, мисс Юлия?

– Вам не кажется, что в этом самолете несколько напряженная атмосфера? – ответила я вопросом на вопрос. – Обратите внимание на отсутствие нашего соседа. Его уход почему-то вызвал беспокойство вон у того крепкого мужчины, что сидит наискосок. Как, кстати, и передвижения девушки, похожей на индианку, что сидит в последнем ряду... Мне они отчего-то тоже не нравятся.

Доули добросовестно и неторопливо обозрел салон и, прокашлявшись, высказал предположение довольно мирного характера.

– Мир стал чертовски тесен, – сказал он. – Идет постоянная борьба за место под солнцем. Современный человек живет в постоянном поле агрессии, многократно умноженном усилиями людей, которые делают бизнес именно на агрессии. Я имею в виду своих коллег-журналистов. Отсюда постоянная готовность к ней или к ее отражению. В конце концов у человека формируются стойкие фобии. Зачастую самый простой жест, нечаянный взгляд могут вызвать ощущение опасности. В этих случаях лучше всего положиться на судьбу и расслабиться. Вы не будете возражать против стаканчика виски, мисс Юлия?

– Вообще-то буду, – заявила я. – Потому что ваши рассуждения ко мне не относятся. Если я чувствую опасность, значит, она где-то рядом, а в таких случаях лучше не расслабляться.

Доули одобрительно кивнул.

– Мне нравится ваша уверенность, – сказал он. – Беру свои слова обратно. Вы совсем не похожи на женщину, которую одолевают фобии. Ну что ж, раз мы полагаемся в дальнейшем на вашу интуицию, то давайте наблюдать. Может, нам удастся понять, в чем причина настораживших вас ощущений?

Его предложение выглядело естественным и не лишенным смысла. Но у нас, как оказалось, уже не было времени, чтобы наблюдать и выяснять. В следующую минуту все объяснилось само собой.

Эта минута врезалась мне в память, точно картинка, выхваченная из темноты фотовспышкой: с грубоватого лица Доули еще не сошла благожелательная улыбка, стюардесса не успела подкатить столик с напитками к очередному клиенту, Валентин Сергеевич только начал поднимать голову, пробуждаясь от глубокого сна, его краснолицый сосед открыл рот, чтобы что-то сказать... Но все это осталось как бы незавершенным, потому что в салон, как призрак, проскользнул наш черноусый мрачный сосед и, встав в проходе, прокаркал угрожающе:

– Всем сидеть и не шевелиться! Самолет захвачен! Вы все – заложники!

В руках он держал небольшую скорострельную машинку.

Глава 4

Ничего себе – «не придется особенно напрягаться»! Почему-то в этот момент мне вспомнились слова Грома. Такой неожиданный поворот вообще ломал к чертям все возможные планы, как мои, так и несчастного Валентина Сергеевича. Когда теперь нам удастся заняться собственными делами и удастся ли вообще – оставалось только гадать.

Конечно, в самолете должна быть какая-то охрана, и, возможно, она даже предпримет какие-то меры, но на это надеяться особенно не приходилось. Уж очень нагло и уверенно действовали террористы.

Усач с автоматом, несомненно, не был одиночкой. Как я и предполагала, в дело тут же включилась та самая девушка, похожая на индианку. Она вскочила со своего места и, прижавшись спиной к переборке, пронзительно завопила:

– Всем наклониться и положить руки на затылок! Выполняйте, ублюдки! Иначе никто из вас не доберется до Колумбии! – Обеими руками она сжимала рукоятку большого, необычной формы пистолета, из которого целилась в испуганные лица, оборачивающиеся на ее крик.

По-видимому, это был специальный пластик-керамический пистолет. Нетрудно догадаться, что свой арсенал злоумышленники приводили в боевое состояние в туалете. Сложнее было определить, какова численность террористической группы и каковы их намерения. Впрочем, последнее и так вскоре прояснится.

Так как ошеломленные пассажиры не сразу переварили свалившуюся на них новость и медлили с выполнением указаний, индианка решила подкрепить слова действием. Она, точно кошка, подскочила к почтенному седовласому джентльмену, сидевшему вполоборота к ней в ближайшем кресле, и с удивительной свирепостью нанесла удар рукояткой пистолета по затылку.

Я увидела, как брызнула кровь и джентльмен повалился на пол салона, выпав из кресла без единого звука. Над рядами пронесся крик ужаса. Индианка опять отпрыгнула к переборке и взмахнула пистолетом.

– С вами никто не собирается шутить! – завопила она. – Выполняйте приказание! Мы – Левый Фронт.

Не знаю, что произвело большее впечатление – последнее заявление или печальная судьба седовласого джентльмена, но пассажиры один за другим принялись выполнять требование террористки. Они скрючивались в креслах, утыкаясь лицом в колени, и скрещивали ладони на затылках.

Последнее, что я увидела, прежде чем присоединиться к их числу, – это как седовласый сосед Быкова в сильнейшем раздражении шарахнул кулаком по подлокотнику. Но, заметив, что ствол автомата направлен прямо на него, он тоже смирился, кое-как согнув крючком свое могучее тело.

– Пожалуй, не будем изображать из себя героев, – рассудительно заметил Доули, принимая вынужденную унижительную позу, – и присоединимся к остальным. Терпение – мать мудрости. Если кто-то из этих идиотов выстрелит, может произойти непоправимое.

Я пригнулась к коленям и сцепила руки на затылке.

– Кто это такие? – шепнула я. – Как вы думаете, чего они хотят?

– На банальное ограбление не похоже, – шепнул в ответ Доули. – Они назвались Левым Фронтом. Это – одна из бесчисленных левацких группировок, которых пруд пруди в Латинской Америке. Думаю, что требования у них будут политические. Скорее всего потребуют от властей освободить кого-то из своих друзей, сидящих в тюрьме... Черноусый с автоматом в руках медленно шагал по проходу, проверяя, все ли выполнили приказание. Возле наших кресел он на секунду задержался и, как мне показалось, злорадно усмехнулся.

– Простите, сэр, а что делать мне? – раздался дрожащий голос стюардессы. – Может быть, я должна связаться с экипажем?

– С экипажем свяжутся и без тебя! – грубо оборвал ее террорист. – Отправляйся в хвост самолета – там тобой займутся.

Мы с Доули услышали торопливые сбивающиеся шаги, а потом все стихло. Лишь ровный гул турбин нарушал зловещую тишину, воцарившуюся в салоне.

– Акция, вероятно, довольно масштабная, – шепнул мне Доули. – Судя по всему, наш сосед и индианка поставлены наблюдать за нашим отсеком. Другими занимается еще кто-то. Если не случится катастрофы, то нас скорее всего ждет многочасовая волянка с переговорами и угрозами.

– Вы, там! – прозвучал окрик черноусого. – Заткнитесь! Разговаривать запрещено! Еще раз повторится – вышибу мозги!

Доули печально улыбнулся и замолк. Я с некоторым разочарованием отметила, что теперь и он потерял значительную часть своего лоска и достоинства. Террористам удалось здорово подпортить имидж английского джентльмена. Да что и говорить, трудно сохранять достоинство, уткнувшись лицом в колени, пусть даже в свои собственные.

Между тем время шло. Небо за иллюминатором потемнело, и в салоне включилось электрическое освещение. В звучании моторов тоже произошли некоторые перемены. О том, что происходит в кабине пилотов, мы могли только догадываться, но одно было несомненно – лайнер находится в руках террористов, и их на борту гораздо больше, чем два человека.

Это стало ясно после того, как черноусый достал из кармана трубку мобильного телефона и связался с кем-то из своих товарищей.

– У нас здесь все под контролем, – сказал он. – Мы готовы.

Голос его, на мой слух, звучал отвратительно, но на редкость спокойно. Наверное, не было причин волноваться – в отличие от меня у него все шло по плану. К сожалению, никто пока не собирался посвящать нас в детали этого плана. Единственное, что мы могли предполагать, – это близость посадки, потому что лайнер, несомненно, снижался, описывая в небе огромную дугу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.